

его принадлежность к прямой или боковой ветви рода (с. 135–137); из этого можно сделать вывод, что рисунок тамги не может служить очевидной хронологической меткой памятника. Однако данная гипотеза автора нуждается в дальнейшей разработке и в увязке типов тамги с языковыми особенностями памятника. Как видно из этих нескольких примеров, разделы книги *Примечания* имеют свою ценность, поскольку они не замыкаются рамками только лингвистического комментирования лексем и словоформ текста.

Помимо всего, И.В. Кормушин в своей книге публикует первое прочтение трех эпитафий, открытых в последнее время – из Шаньчи (Е-152), обнаружена автором, находится на месте сооружения (с. 149–150); две надписи из Эрбека (Е-147, Е-149), находятся в Тувинском музее (с. 252–256).

Как уже указывалось, книга по полиграфическому оформлению руники заслуживает высокой оценки, хорошо подается и лингвистический материал. Отметим наличие подробного Указателя слов с приведением их словоформ (с. 282–293). Огорчают встречающиеся иногда опечатки. Вызывает сожаление досадный повтор авторского текста (с. 193–196) из разных редакций книги, "съевший" комментарий к строкам 4–6 памятника из Уюк-Турана (Е-3).

Опубликованная монография И.В. Кормушина действительно свидетельствует о

том, что дальнейший прогресс в изучении и понимании сибирских рунических текстов возможен лишь на пути выявления закономерностей формирования вполне сложившегося жанра древнетюркских эпитафий, то есть на том пути, по которому идет автор этой книги. Читателю представлена лишь часть выполненной работы, впереди прочтение других текстов и их текстологический анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев Д.Д. 1983 – Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
 Гумилев Л.Н. 1993 – Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
 ИТСВ 1969 – История Тувы в Средние века. М., 1969.
 Кормушин И.В. 1975 – К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. № 2.
 Кызласов Л.Р. 1960 – Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская этнография. 1960. № 3.
 Малов С.Е. 1952 – Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
 Малов С.Е. 1959 – Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Д.М. Насилов

V.T. Kyalandzyga, M.D. Simonov. Dictionary of the Udihe language. Preprint / Published by A. Mayevicz. Stenshev, 1998. V. 1. 425 p.

1998 год оказался исключительно удачным для дела описания удэгейского языка, одного из языков тунгусо-маньчжурской группы. До последних лет единственным опубликованным монографическим исследованием удэгейского языка оставался "Удэisko-русский словарь" Е.Р. Шнейдера [Шнейдер 1936]. В 1998 г. появились сразу три монографии – публикация памятников удэгейского фольклора [ФУНТЕ 1998], монография И.В. Кормушина "Удэгейский язык", содержащая грамматический очерк, тексты и словарь [Кормушин 1998] и, наконец, рецензируемый первый том нового полного словаря удэгейского языка по данным хорского диалекта. Словарь (далее УС) был составлен М.Д. Симоновым в соавторстве с хорской удэгейкой В.Т. Кялундзюга, которая выступала основной информант-

кой, а также осуществляла самостоятельный сбор фольклорных и словарных материалов. Как отмечают авторы во введении, УС включает около 2900 лексем, причем 1414 из них вводятся в научный оборот впервые (не представлены в [ССТМЯ 1975–1977], являвшемся до настоящего времени наиболее полным сводом удэгейской лексики). Расширение объема словаря стало возможным благодаря многолетней полевой работе авторов, основная задача которой – целенаправленный сбор словарных и фольклорных материалов. Для сбора словарных материалов М.Д. Симонов широко использовал своеобразный лингвистический эксперимент, описанный во введении (с. 8): информантам предлагалось составить по три примера на обследованную лексику (по возможности отражающих традиционную

жизнь удэгейцев), что помимо уточнения значения слов способствовало выявлению новых словарных единиц.

Однако ценность словаря (а также его объем, который в совокупности составляет более 50 авторских листов, см. с. 10) определяется не столько увеличением объема словника, сколько большей подробностью толкований и беспрецедентно широким – для тунгусоведения – привлечением иллюстративного материала. В первую очередь это относится к грамматической информации, в частности, информации о сочетаемости того или иного слова. В качестве примера укажем, что толкование глагола *би-* 'быть' в разных значениях (экзистенциальном, сказочном, в составе аналитических форм и т.д.) занимает более десяти страниц (с. 151–163). Столь же подробно даются и толкования этнокультурных терминов, что придает изданию известную энциклопедическую направленность. Вместе с тем отметим, что в словарных статьях УС, в отличие от глоссария И.В. Кормушина [Кормушин 1998], не предусмотрена зона сравнительно-этимологической информации: словарные материалы не соотнесены с материалами "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков" [ССТМЯ 1975–1977] ни в плане сравнения с данными других тунгусских языков, ни даже с материалами других удэгейских диалектов. Как представляется, отсутствие в УС этой информации только отчасти может восполнить вынесенный в приложение индекс впервые зафиксированных словарных единиц.

Словарь открывается введением, в котором М.Д. Симонов останавливается на ряде спорных вопросов фонетики и грамматики, существенных для представления словарного материала. В этом отношении показательно сопоставление точки зрения М.Д. Симонова на звуковую строй удэгейского языка с концепцией И.В. Кормушина, представленной в [Кормушин 1998]. Расхождения во взглядах авторов связаны в основном с трактовкой фонически сложных "прерывных" и "аспирированных" гласных, которые, как известно, составляют специфику удэгейской фонетики и служили предметом оживленных дискуссий (ср., например, [Шнейдер 1936] и [Суник 1968]). М.Д. Симонов, вслед за Е.Р. Шнейдером, рассматривает их как особые гласные фонемы, характеризующиеся импульсивной (неравномерной) фонацией – интенсивные резкие (аспирированные, по Е.Р. Шнейдеру) и слабоинтенсивные отрывистые (прерывные, по Е.Р. Шнейдеру). И.В. Кормушин, напротив, разделяет точку зрения О.П. Суника, который считал эти

звуковые комплексы фонологически сложными, образуемыми сочетанием гласных с гортанной смычкой и фарингальным, соответственно.

Как представляется, дискуссионность вопроса о фонологическом статусе этих звуковых комплексов во многом связана с тем, что к собственно лингвистическим аспектам этой проблемы примешиваются экстралингвистические. (Отмечу попутно, что с фонологической точки зрения в концепцию М.Д. Симонова плохо укладываются случаи типа *ga'u* 'ворона' или *ba'u* 'находящий', когда гортанносмычный находится в позиции между гласными разного качества; в последнем примере к тому же после гортанносмычного проходит морфемная граница). В частности решение этого вопроса зависит от ориентации исследователя на тот или иной произносительный стиль (см. [Кормушин 1998: 155]). М.Д. Симонов ориентируется на разговорный стиль (который он считает нейтральным и противопоставляет эмфатическому), в котором эти гласные обнаруживают тенденцию к утрате аспирации и гортанной смычки (в частности в результате русской интерференции). И.В. Кормушин также признает, что в беглой речи фарингальный [h] и гортанносмычный [ʔ] низводятся до положения супraseгментных признаков соответствующих гласных или даже вовсе устраняются, однако свою интерпретацию основывает на полном стиле произношения (противопоставляя его как "нормально-сокращенному", так и "выделительному"). Наконец, позиция авторов отчасти зависит от общей направленности исследования: при сопоставительном подходе более адекватной, как диахронически (как известно гортанная смычка и фарингальный восходит к интервокальным /k/ и /c/, соответственно) так и типологически, представляется точка зрения Суника–Кормушина. С другой стороны, для практических целей интерпретация М.Д. Симонова, может оказаться предпочтительной, поскольку в большей степени учитывает особенности разговорной речи. Показательно в этом отношении, что транскрипционная система, предложенная М.Д. Симоновым, положена в основу разработанной авторами словаря удэгейской орфографии.

В разделе введения, посвященном грамматической информации в словарных статьях, автор преимущественно рассматривает вопросы классификации слов по частям речи, предлагая схему, в целом близкую классификации В.А. Аврорина. Следует отметить, что этот раздел в ряде отношений страдает неполнотой, поскольку не излагает

позиции авторов, относительно ряда дискуссионных проблем удэгейской грамматики (таких как вопрос о составе временной парадигмы удэгейского глагола). Так, специально не оговаривается, что принимается точка зрения О.П. Сунника, определяющего формы типа *би-э* (чаще употребляемые как инфинитив при отрицательном глаголе) как формы глагола в 3-м лице настоящего времени (ср. квалификацию этих форм как "активного причастия" у Е.Р. Шнейдера). В еще большей степени требует комментария (и обоснования) использование нетрадиционных терминов, например, квалификация глагольного прошедшего (употребляющегося со значением засвидетельствованности либо эмпазы) как "давнопрошедшего".

Из более общих претензий к рецензируемой работе отмечу неоправданное, на мой взгляд, расширение словаря за счет избыточного иллюстративного материала. Притом, что наличие информации о сочетательных свойствах лексем представляет собой несомненное достоинство данного словаря и отвечает духу современной лексикографической практики (ср. словари сочетаемости, валентностей и т.д.), он также включает информацию, которую в силу регулярности и предсказуемости следовало бы рассмотреть в соответствующих разделах грамматики (это, впрочем, признают и сами авторы, рассматривающие свой словарь как задел для дальнейших грамматических исследований, см. с. 36). Особенно это бросается в глаза применительно к "именным" словарным статьям, где приводятся примеры на употребление имен в различных (иногда всех!) падежных формах, даже если соответствующие употребления не содержат ничего идиоматичного ни в формальном, ни в семантическом отношении. Представляется, что при переиздании словаря (напомним, что данная публикация

это препринт), его следует сопроводить "Кратким грамматическим очерком", описывающим наиболее регулярные аспекты грамматики (основные значения падежей и т.д.), что позволит существенно "разгрузить" основную часть словаря.

Несмотря на указанные недостатки, УС представляет собой существенный вклад в тунгусоведение, значение которого трудно переоценить, учитывая то, что удэгейский язык находится под угрозой исчезновения (согласно данным переписи населения 1989 г. число удэгейцев, говорящих на родном языке, составляет около 500 человек, однако специалисты считают эти данные завышенными). Тем более обидно видеть в УС (с. 9–10) ссылки на то, что неравномерность словарного описания обусловлена нехваткой средств на продолжение экспедиционных работ. Это лишний раз напоминает о том, что в настоящее время в угрожающем положении в России находятся не только языки малых народов Севера, но и североведение в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кормушин И.В.* 1998 – Удэгейский язык. М., Наука, 1998.
ССТМЯ 1975–1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, 1977.
Сунник О.П. 1968 – Удэгейский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968.
Шнейдер Е.Р. 1936 – Краткий удэгейско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.; Л., 1936.
ФУНТЕ 1998 – Фольклор удэгейцев: нима-нку тэлунгу хэ / Составители Е.П. Лебедева, М.М. Хасанова, М.Д. Симонов и др. Новосибирск, 1998.

А.Л. Мальчуков

М.В. Иванова. Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. 230 с.

Вечный вопрос истории русской культуры, связанный с проблемой происхождения, развития и культурной ценности русского литературного языка, постоянно возвращает исследовательскую мысль к средневековым русским источникам, к поискам новых методик их описания и теоретическим основаниям, с помощью которых мы могли бы постичь суть происходивших некогда изме-

нений. Тут не может быть двух мнений, каждая серьезная работа на такую тему вносит важные дополнения, а то и существенные уточнения в изучение основных проблем, связанных с формированием **национального русского языка в связи с развитием русской культуры** (не столь давно мы говорили "связанных с развитием народа").